

М. Ю. Егоров

Актуализация метатекста в «Рассуждении» Саши Соколова

В статье рассматриваются основные особенности построения «Рассуждения» Саши Соколова. Ключевые формальные и содержательные элементы указывают на повышенную значимость метатекста в произведении. «Рассуждение» движется за счет внутритекстового самоописания, при этом создается иллюзия незавершаемого процесса рассказывания.

Ключевые слова: Саша Соколов, «Рассуждение», «Триптих», современная русская литература, русское зарубежье, повествовательная структура, метаповествование.

M. Yu. Egorov

Actualisation of Metatext in Sasha Sokolov's "Reasoning"

In the article the main features of creation of "Reasoning" by Sasha Sokolov are considered. Key formal and substantial elements indicate the increased importance of the metatext in this work. "Reasoning" is moved by means of the intratext self-description, and in this way illusion of the unfinished process of narration is created.

Keywords: Sasha Sokolov, "Reasoning", "Triptych", modern Russian literature, Russian abroad, a narrative structure, metanarration.

Впервые «Рассуждение» Саши Соколова было опубликовано в 2007 году в русскоязычном журнале «Зеркало» (№ 29–30), выходящем в Израиле. И опубликовано в «пограничной» рубрике «Проза плюс». Действительно, произведение Саши Соколова лишено метра, рифмы, но поделено на соразмерные отрезки, что позволяет говорить о «Рассуждении» как о верлибре, «переходном» явлении между стихом и прозой. В эссе «Общая тетрадь, или Групповой портрет СМО-Га» Саша Соколов восхищался особым литературным гибридом – «прозией»: «Прозэ – это, если угодно, бастард, помесь прозаика с лириком, полу-полу. Но то, что он сочиняет, пролаза, – прозия есть высоких кровей, чистых слез. ... Это прозия незамутненного изумизма здесь, среди мерзостей мира есть» [2, с. 42]. В интервью он пояснял: «Я придумал этот термин – прозия – чтобы обозначить то, что я делаю, потому что это и не проза, как ее сейчас понимают, и не лирика» [3]. Возникающая таким образом форма текста выглядит метаповествовательной, диалогически ориентированной на две разные литературные стихии – поэзию и прозу.

Само название произведения указывает если не на полифоническую, то на диалогическую позицию – метаповествовательную. Слово «рассу-

ждение» одновременно отсылает и к соответствующему процессу (я рассуждаю), и к продукту, результату этого процесса. Название как нельзя лучше соответствует содержанию рассматриваемого текста. Саша Соколов создает текст-рассуждение о том, как написать текст «Рассуждение», давая право голоса только персонажам без подводящих итоги умозаключений, которые могли бы принадлежать стороннему, «незаинтересованному» субъекту.

Укажем, как происходит развитие «рассуждения», останавливаясь на наиболее показательных фрагментах. В 8 части обсуждается качество темы беседы (помимо упомянутого выше многоголосия): «...рассуждение многоголоса, / а что касается темы, то не секрет, что последняя / на удивленье вольна, да и в целом оно до того / свободно...». В 10 части читатель через реплики персонажей будет предупрежден: «...действие вещи не развивается, нету даже / завязки, пренебрегая фабулой, вы откровенно / манкируете сюжетом...» Пренебрежение развитием связной истории закреплено дальнейшим развитием повествования. «...Словами последней [латыни] о рассужденье, / о том, как надо его составлять говоря, / скажем следующее: аккуратно, корректно», – советуют в 25 части. А в 26 читаем: «... вот

это наше текущее / рассуждение что-то определенно напоминает, / причем очень живо...».

Суммируем замечания о «качестве» рассуждения, приведенные выше: рассуждение многоголосое, движется свободно, в рассуждении нет развития действия, рассуждение укоренено в некоем контексте («что-то напоминает»). Очень важно и интересно то, что произведение строится по тем самым советам, которые в нем даются, являются его неотъемлемой частью, произведение выглядит именно так, именно с такими недостатками, которые обсуждаются персонажами. Продемонстрируем, каким образом это реализуется в тексте.

«Рассуждение» Саши Соколова представляет собой полилог потенциально бесконечного числа персонажей. Отсутствие в тексте знаков пунктуации, оформляющих прямую речь, не позволяет ни назвать точного числа беседующих, ни границы их реплик и т. д. Например: «...а вы, сходный случай: ценить / ценю, но, пожалуй, немного недооцениваю, а вы, / мне, знаете ли, ценней контрданс, особенно / в виде кадрили, две, если не ошибаюсь, четверти, / вы говорите о бальной, зачем же, я говорю / о кадрили обычной, будней, о танце простых, / но искренних, продолжайте, я говорю о кадрили...» (4. – Здесь и далее при ссылках на «Рассуждение» в скобках указывается номер части текста [4]).

Сам Саша Соколов указывает на присутствие полифонического начала в собственном тексте: «нас, которые тут рассуждают, довольно много, / иначе сказать, рассуждение **многоголосое** [выделено нами. – М. Е.], / ...да и в целом оно до того / свободно, что часто бывает так, что один / какой-нибудь голос высказывание начинает, / второй продолжает, а третий, семнадцатый / или какой хотите по счету / высказывание заканчивает» (9). Любопытно, что в рассматриваемом произведении отсутствуют заглавные буквы, отсутствуют кавычки, так что непонятно, является ли употребление в нем слова «рассуждение» названием имени текста или нет.

Высказывания не соотносятся с каким-то определенным субъектом, не могут, не должны соотноситься с ним по указанным выше причинам (устранение знаков пунктуации при прямой речи, имен, указаний на носителей «голосов» и т. д.). «...Количество собеседников, качество их пальто / или пончо, рост, возраст, образование, / семейная участь, устройство лиц / и чьими устами сказано то, что сказано, / эти вещи значения не обретают» (6). Текст разрушает соотнесенность

высказывания с субъектом высказывания либо предлагает вдумчивому читателю «создать» для высказывания такого субъекта, приписав ему соответствующие качества. Персонажи «Рассуждения» предлагают называть произведение пьесой: «...и если указанный разговор отзывается / некой пьесой, то пьесой он пусть отзывается / для не слишком четкого или даже нечеткого / совершенно числа голосов...» (7). Понятно, что актуализируется двойное значение слова «пьеса», драматургическое или музыкальное произведение. Театральная пьеса не предполагает описания психологии персонажей-субъектов, мотивации их поведения, подробностей внешности, это во многом позволено достраивать читателям, точно так же, как и в «Рассуждении». «Нужно находить слова – не свои, не первые попавшиеся, а какие-то другие. Находить и выстраивать их в каком-то специальном высокоэнергетическом порядке», – так считает Саша Соколов [5].

Для анализируемого произведения важно то, что подчеркивается иллюзия непосредственного возникновения текста, как бы неподготовленного: «...причем любопытно, что вся эта музыка, / то есть беседа, заводится и ведется настолько / *impromptu* [импровизационно] и вместе с тем до того *amabile* [приятно]...» (6). Реальность начинает соприкасаться, «полифонировать» с текстом прямо здесь и сейчас: «...милостивые государи, / здесь составляется подлинный человеческий / документ, а вы нам тут про какую-то / литературную мишуру, не мешайте» (10). Возникает сложная и логически противоречивая (или диалектическая) ситуация. С одной стороны, утверждается, что перед нами «неолитературная» реальность, документ (10 часть), с другой, подчеркивается аналогия с музыкой (6 часть), обсуждаются приемы создания произведения.

Количественной и качественной неопределенностью персонажей, их голосов можно объяснить кажущуюся сбивчивость композиции, отсутствие линейного развития если не сюжета, то хотя бы развития мысли, эмоции. Так, например, рассуждение о языках в середине произведения приведет к упоминанию латыни: «...а устанешь от эллинского, / переходи на латынь, вы сказали: латынь, / уж не знаю, уместны ли тут окажутся / воспоминания о давно прошедшем, / однако при названном выше слове / они просто-напросто не могли не нахлынуть...» (19). И дальше строфы 20–24 будут посвящены античной тематике, мало имеющей отношения к предыдущим и последующим строфам. Подобные

перескакивания с темы на тему характерны для «Рассуждения». Герои перебивают друг друга: «...перебивая: простите, что перебил, / но хотелось бы сразу кое о чем напомнить, / о чем же, о том...» (11). «...Используйте средства изящной словесности / и от пота, сладости и приемы риторики, / в том числе умолчания и молчания, / недосказанности и сбивчивости, / и, конечно, повтора, коллеги, повтора...», – оправдывает сбивчивость повествования один из голосов. Сам автор в одном из интервью говорил: «Меня не интересуют содержание, сюжеты... Главное – это течение письменной речи и то, что можно выстроить из этого» [1].

Соприкосновение разных повествующих «сознаний» способно обернуться нарушением логических связей, что прямо декларируется в «Рассуждении»: «...что то, что должно было сбыться, / уже сбылось и творением завершилось, / и если складывается впечатление, будто / что-то еще происходит, творится, / то это именно впечатление, / то есть не более, чем» (38). У персонажей «Рассуждения» особые отношения со временем, о чем говорит не только приведенная цитата. «...Но постепенно и вместе с тем чуть ли не вдруг / выясняется, что на свете все уже было, бывало...» (25), «ибо все это было однажды в будущем, но, / побыв, миновало, кануло, обернулось былым / и бытует лишь в качестве заблуждений, иллюзий, / а что касается настоящего, то поскольку оно / без зазрения ускользает, постольку / пребывать в нем ничто не в силах...» (39). Тем самым декларируется не только разрушение логических связей, но повторяемость всего: «...это все непременно поправится, склеится, / свяжется вновь, возвратится на карусели свои...» (18). Нетрудно заметить, что вера в повторяемость будет вызывать и многократное повторение фраз, содержащих утверждение веры в повторяемость. Аккомпанируя повторяемости и отмеченной выше музыкальной тематике, в 3 строфе появится упоминание контрапункта (причем в рамках одной строфы дважды).

Замедлению, запутыванию повествования служит и монтаж разрозненных точек зрения, ярко проявляющийся в следующем отрывке: «...а описание / поездки по таковой [дороге]... / увлеченное ветром истории, отлетело, / что называется, прочь, отлетело бездумно, / будто бы некий лист // лист скорее всего древесный сухой, / из демисезонной лирики, да, скорее, / хотя варианты возможны: листом отлетело, / положим, численника, отрывного календаря, / отслу-

жившим оно отлетело листом / исполнительным, подписным, больничным, / учета оно отлетело использованным листом / в беспримерную даль, наконец, отлетело / реестром, списком...» (30–31). Слово «лист» может актуализировать множество своих значений, все они будут равноправны, добавление аналогий теряет свою информативность, превращая перечисление в бессмыслицу.

Среди особенностей «рассуждения», указанных выше, внимания требует указание на его погруженность в некий контекст: «...вот это наше текущее / рассуждение что-то определенно напоминает...» (26). В качестве еще одной характеристики метатекстуальности в «Рассуждении» выступает интертекстуальность, а также обращение к различным знаковым для мировой культуры именам. Произведение, построенное на осмыслении процесса собственного создания, словно бы удваивается, обращаясь к использованию других литературных текстов.

Персонажи Саши Соколова рассуждают о способах мышления, перебирая разные варианты. Они останавливаются на способе мышления тростника: «...и, наконец, скрупулезно и тщательно, так, / как мыслит тростник, можно мыслить» (36). В частях 37, 38, 42, 45, 49 вариации на тему мыслящего тростника будут продолжены. Естественно, заметить здесь отзвуки стихотворения Ф. И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...»: «Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поет, что, море, / И ропщет мыслящий тростник?» Этому стихотворению предпослан эпиграф из послания древнеримского поэта Децима Магна Авсония, что может быть еще одним источником отмеченной аллюзии: «Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках». Как неоднократно отмечалось исследователями, Ф. И. Тютчев в данном случае также обращается к западноевропейской философии, к наследию Б. Паскаля, для которого человек выступал как «мыслящий тростник»: «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит...» Таким образом, и Ф. И. Тютчев занимает метатекстуальную позицию, надстраивая свое стихотворение, по крайней мере, над двумя текстами предшественников.

У Саши Соколова показательным также является случай соединения темы творчества и растительных мотивов, имеющий свою богатую традицию в отечественной поэзии. Вспомним хотя бы реализацию этого соединения у А. А. Ахматовой

в «Мне ни к чему одические рати...»: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда». Но в рассматриваемом случае такое соединение показательно для демонстрации «органического», как бы неструктурированного течения повествования.

В «Рассуждении» легко соседствуют друг с другом Октавио Пас («...ведь я говорю увлеченно, / как завещал нам октавио, сэр, / мексика...») (5), Федерико Гарсиа Лорка («...гитары ночной и бессонной, / ...плачущей в честь / ...а также во имя друга их смуглой, / их сладкогубой, их скалозубой юности / федерико гарсиа...») (13), Пабло де Сарасате («...гитары неумолимой, / плачущей а ля сарасате...») (13), Паламедес («...с домино или кубиками старика паламедеса / в юных устах, улучшайте артикуляцию...») (23), Гай Муций Сцевола («...и умы свои думой о муции окрыляем...») (24), Кай Юлий Цезарь («...на душе / печаль, а у кая у юлия вечно какой-нибудь / жалкий четверг иль презренный вторник...») (24), Карл Линней («...нам весьма и весьма отраднo, что вы не из тех / линнеев...») (41).

Саша Соколов принципиально не пишет свои произведения на английском или любом другом иностранном языке, но при этом «Рассуждение» воплощает переключку языков. Множество иностранных слов, фраз на латинском, испанском, итальянском языках встретит читатель (см. части 1, 4, 5, 6, 16 и т. д.). Например: «...а некто, который все смотрит на вас, словно *lupus*, / сей *homo* наставник ваш *est*...» (24). Обыгрывается латинское выражение «*homo homini lupus est*» – «человек человеку волк», но его составляющая «*lupus*» оказывается вовлеченной уже в русский фразеологизм «смотреть волком». В таком случае сообщается экспрессивность речевому высказыванию, происходит логико-эмоциональная интенсификация, предполагающая еще и сотворческую работу читателя (иноязычные вкрапления приводятся при этом без перевода).

При метаповествовании читателю также предлагается особая позиция по отношению к тексту. Читатель начинает четко осознавать сделанность текста, а не его жизнеподобие. Казалось бы, знакомство с повествовательной «кухней» должно помочь понять текст, однако читатель ставится в позицию недоумения о состоявшемся/несостоявшемся рассуждении. В заключительных строфах «Рассуждения» читаем: «...пусть, в частности, говорится // подумалось: неумолимы кифары, / а следует мыслить: неопалимы жирафы, / помыслилось: плачущие, а надо: пылающие, / почудилось: в тростниках титикаки, а ты не верь / и касательно всяких таких нелепостей, / право же, не грусти...» (48–49). Замечание это говорит об опасности проникновения в текст читательского доверия, хотя замечание и остается одним из мнений одного из персонажей. Непонятно даже, то ли (главное, основное) рассуждение предъявлено. Если предъявлено, то подчеркивается его незначительность, с намеком на предполагаемое читательское равнодушие и неспособность адекватного восприятия (см. часть 43). Подобные повествования Д. Кат назвал «диалектическими», то есть такими, которые демистифицируют фикциональную природу литературы, демонстрируют ее, используют в качестве операционного принципа построения произведения [6, с. 265].

Итак, получается, что «Рассуждение» движется за счет собственного описания, описания необходимых или критикуемых в тексте условий его написания. Вновь вспомним семантику слова «рассуждение», заключающего в себе и процесс, и результат этого процесса, а в случае Саши Соколова рассуждение может быть представлено как зыбкий, незавершаемый процесс. В 34 части оказывается, что есть некое «главное рассуждение»: «...не хотелось бы упускать / из виду, что это не главное рассуждение, / это лишь изложение его замысла, / главное рассуждение следует и, конечно, / гораздо будет конкретней, подробней...» (ср. 25 часть). Возврат к этой теме в 42 части: «...а что рассужденье, которое существует пока / только в замысле, было бы любопытно узнать, / имеются ли в этом деле подвижки, / а выражаясь конкретней, / когда и как вы надеетесь изложить нам / главное рассуждение». Но уже в 43 части читаем: «...а когда / рассуждение наконец изложено, / выясняется, что теперь оно ни к чему...» (хотя слова эти могут выражать косвенную обиду по поводу обычного невнимания слушателей к любым рассуждениям). Заканчивается же «Рассуждение» частью 50, где только одно слово (единственный случай на все произведение) «типа», что возвращает читателя к первой строфе, с этого слова начинающейся: «типа того, что, мол, как-то там, что ли, так, / что по сути-то этак, таким приблизительно...»

Ориентация на постоянное становление (а не завершение) будет поддержана в 2011 году, когда «Рассуждение» потеряет самостоятельность, став частью «Триптиха» – последней по времени выхода книги Саши Соколова [4]. В «Рассужде-

нии» присутствуют темы, мотивы, детали, которые позже «аукнутся» в других частях «Триптиха», в текстах под названиями «Филорнит» и «Газибо». Например, в «Рассуждении»: «...вы не из тех / линнеев, которые насекомых и птиц, / лишь на том основании, что вторые / пернаты всегда, а первые зачастую, / приводят к общему знаменателю, / вносят в единый реестр...» (41), в «Филорните»: «не предавайтесь унынию, / улавливал ты беззвучный ответ, / потому что те насекомые, что крылаты, / разве они по-своему суть не птицы» (85 часть «Филорнита»). В «Рассуждении»: «...не зря ведь в каком-либо месте сказано: / перечислять так перечислять, / учитывать так учитывать» (27), в «Газибо»: «...не случайно ведь где-нибудь напечатано, что учитывать так учитывать // и резонно подумается: / это, наверное, напечатано там же, где напечатано: перечислять так перечислять...» (28–29 части «Газибо»).

Библиографический список

1. Слепынин, О. Саша Соколов на фоне Карадага и виноградной лозы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zn.ua/SOCIETY/sasha_sokolov_na_fone_karadaga_i_vinogradnoy_lozy-51671.html
2. Соколов, С. В ожидании Нобеля, или Общая тетрадь [Текст]. – СПб., 1993.

3. Соколов С. О встречах и не встречах (С Сашей Соколовым беседует Владимир Кравченко) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>
4. Соколов, С. Триптих [Текст]. – М., 2011.
5. Соколов С. Я всю жизнь выбираю лучшее. Чаще всего бессознательно... (Беседа Ирины Врубель-Голубкиной с Сашей Соколовым) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2011/37/6so.html>
6. Caute D. The Illusion. – New York, 1972.

Bibliograficheskij spisok

1. Slepynin, O. Sasha Sokolov na fone Karadaga i vinogradnoj lozy [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://zn.ua/SOCIETY/sasha_sokolov_na_fone_karadaga_i_vinogradnoy_lozy-51671.html
2. Sokolov, S. V ozhidanii Nobelya, ili Obshhaya tetrad' [Tekst]. – SPb., 1993.
3. Sokolov S. O vstrechakh i nevstrechakh (S Sashej Sokolovym beseduet Vladimir Kravchenko) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html>
4. Sokolov, S. Triptikh [Tekst]. – M., 2011.
5. Sokolov S. YA vsyu zhizn' vybirayu luchshee. CHashhe vsego bessoznatel'no... (Beseda Iriny Vrubel'Golubkinoj s Sashej Sokolovym) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2011/37/6so.html>
6. Caute D. The Illusion. – New York, 1972.